Линь Фан поперхнулся кровью, а потом закашлял, разбрызгивая красные капли по мятому покрывалу.

— Мастер! — вскрикнула Мая и испуганно выпучила глазки. Мужчина взглянул на неё ошарашенным и одновременно возмущённым взглядом. Сама ты педофилка, думал Линь Фан, вся семейка твоя — орава педофилов... Но в слух он разумеется ничего такого не сказал. Мужчина заставил себя успокоиться, через силу сдерживая кашель, а то ребёнок совсем уже побледнел от страха и не знал, как себя пристроить, и, похрипывая, спросил:

— С чего ты взяла, что я педофил...

Это шантаж?

Где-то здесь запрятана камера?

Девчонка сейчас попытается сделать компромат и запрыгнет на него?

Лишь бы не на грудь, а то у него, кажется, сломаны рёбра...

Мужчина предельно напрягся, и, кажется, вызвал себе очередное кровотечение.

Девочка же сглотнула, подобрала один из журнальчиков из кучи, которая горела рядом ярким пламенем, и неловко показала мужчине его обложку. Линь Фан взглянул на неё и побледнел.

«Юная Мода!», — гласили розовые литеры.

А под ними была изображена совсем ещё молодая девочка в платьице с открытыми плечиками.

Голова мужчины немедленно закипела, придумывая как же ему объясниться, а Мая уже подобрала второй журнал, который оказался альманахом конкурса красоты для «юных девушек», — в том смысле юных, что ростом в пять футов (без двух вершков, хотя желательно в обоих носках).

Мужчина сглотнул и начал медленно оправдываться:

— Это... Совсем не то что ты думаешь и на самом деле это совсем не так, — сказал Линь Фан и почувствовал сильнейшее желание стукнуть себя по голове.

— М-мастер... — пролепетала девочка, подрагивая сухими губками. — В-вы... Если в-вы никого не трогаете, а я знаю, вы бы не стали, т-то в этом нет ничего дурного... И-и ещё... Мне... Я уже взрослая... Я... Слишком стара для вас... Мне уже четырнадцать...

«А выглядишь на тринадцать» — проговорил мужчина, про себя, чтобы ребёнок совсем не сломался от страха.

Объясниться тут и вправду было сложно. С одной стороны, объяснение было, и даже очень хорошее, ведь на самом деле Линь Фан не был никаким педофилом. Ему наоборот нравились пышные женщины, — но с другой рассказывать, как всё на самом деле было немного неловко, по многим причинам. В том числе и потому что это было личное. Мужчина пораскинул мозгами, что было совершенно неприятно, потому что голова его раскалывалась, поморщился и решил рассказать всё немного общими словами, утаивая некоторые подробности:

— Отрой страницу с... Тай.

— А? — растерялась Мая.

- Тай, имя. В оглавлении указано.

— Д-да, сейчас Мастер, — кивнул ребёнок и с непонятым энтузиазмом стал листать журнал. Вскоре она нашла нужную страницу и невольно засмотрелась на неё.

— Опустит, - сказал Линь Фан.

Мая опомнилась и опустила журнал, так чтобы мужчине был виден разворот, а потом немного его повернула, чтобы по глянцевой картинке переливался свет от костра. На открытой странице была изображена девочка в пышном чёрном платье с обилием белых рюшей и красным бантиком на груди. Волосы её были чёрными, глаза тоже, цвета оникса, а кожа белой, как у фарфоровой куклы. Лицо ребёнка было кукольно-холодным. Внизу страницы, в углу, было указано имя девочки:

«Тай»

Линь Фан взглянул на фотографию, приподнимаясь на локтях и цокнул языком.

— Тс, лицо всё ещё каменное...

— Мастер?

— У неё, лицо каменное, — сказал Линь Фан, не сводя глаз с фотографии.

— Двадцать лет уже работает, и до сих пор не научилась улыбаться на камеру. Я ведь я говорил ей... — тут мужчина прервал себя и замолчал.

— Мастер, вы её знаете? — спросила Мая.

Линь Фан слегка кивнул:

— Знал, когда-то очень давно, но это уже история. Прямо как я, ха. А сейчас она «модель». И кстати, никакой она не ребёнок, ей уже лет триста...

— Триста?

— Может больше, она мне сама тогда назвала эту цифру; могла и приврать. Так что никакой я не педофил, уяснили? Просто слежу за её карьерой, по-дружески, — знаешь, это как родители, если у них дочь играет на чём-то, ну или там картины пишет, обязательно скупают все её альбомы и ставят пылиться на почётную полочку, хотя содержание им не интересно... — нашёл аналогию Линь Фан. У него была полочка таких вот журналов.

Довольно дорогих, кстати.

Мужчина вспомнил об этом и печально взглянул на пылающий костёр. Мая же молча опустила голову.

Следующая минута прошла в полной тишине.

В какой-то момент Линь Фану стало неловко. Он уже задумался, как бы приободрить ребёнка, как вдруг девочка упала коленями на пол и достала будто бы из ниоткуда чёрную шкатулку. Не успел мужчина даже погадать, что в ней такое было, как Мая её уже открыла.

Вспыхнул свет. Внутри шкатулки переливались и сияли три радужные жемчужины. Линь Фан сперва неуверенно поморгал; потом он прищурился, растерялся и наконец сделался хмурым:

— Пилюли Сансары? Откуда они у тебя? — спросил мужчина строгим тоном.

Пилюли Сансары были чрезвычайно редким алхимическим сокровищем; они относились к тому особому классу пилюль, которые нельзя было найти ни на рынке в массовом производстве, ни даже на самых элитных аукционах. Ими располагали только наиболее могучие секты и кланы. По сути своей, они были бесценны.

Принявший такую пилюлю воин как будто проходил Сансару и возвращался на вершину своих сил. В бою это было чрезвычайно полезно, — ибо с помощью можно было залечить любые раны, — и особенно польза такой пилюли была очевидна для старых культиваторов, культиваторов в возрасте, которые с каждым годом только хирели. И поскольку именно такие культиваторы были сильнейшими, подобные пилюли были для любого клана на вес золота. Единственная неприятность была в том, что действовали они всего лишь несколько минут.

Последний раз Линь Фан видел пилюлю Сансары много лет назад. Один его старый друг предложил мужчины несколько штук в подарок. Линь Фан тогда отказался, аргументируя, что ему это было ни к чему.

— Мастер, прошу вас принять это подношение и взять меня в ученицы...

— Я спрашиваю, откуда они у тебя, — повторил Линь Фан прохладным голосом.

Мая прошептала, помявшись:

— Я их украла.

Мужчина удивился:

— Откуда?

— У моей семьи.

Линь Фан кивнул и задумался. Семья у девочки явно была незаурядной, если такие ценности хранились у них в сокровищнице, в которую мог проникнуть и стащить что-то ребёнок без капельки культивации. Всё это звучало крайне подозрительно и странно.

— Спасибо за предложение, но оставь себе; кстати, если у твоей семейки есть такие ресурсы они наверняка куда более компетентны учить тебя, чем я. У меня даже еды нету, если что. Хочешь умереть с голоду? Нет? Тогда возвращайся домой.

— ...Я... Я не могу, Мастер. Я не могу больше вернуться... — прошептала Мая, сжимая свой браслет.

— Почему? Боишься, что тебя за кражу накажут? И правильно сделают.

— Нет, я... Я не могу. Я просто не могу. Они... Злые люди — вдруг выдохнула Мая и качнулась.

— А я значит человек хороший, — усмехнулся Линь Фан.

— Вы герой.

— Бывший.

— Но вы вернули мой... Хотя бы... Хотя бы поэтому... — пролепетала она и замолчала.

Линь Фан сунул ладони себе под голову и разлёгся на подушке. Он действительно вернул девчонке её меч, но это не повод называть его героем. Он ведь сделал это вовсе не по доброте душевной, на самом деле, а потому что...

— Я это не ради тебя сделал, а ради себя.

— Ах?

Мужчина выглянул в окно напротив кровати, полное звезд над чёрными кучами мусора, и неожиданно все тревоги оставили его сердце. Линь Фана захватило удивительное спокойствие. Он задумался, и сами собой его растерянные мысли стали превращаться в слова:

— Знаешь, ещё лет тридцать назад это луна была настоящей помойкой. Миазмы, Гу, мальчишки босяки ломают друг другу шеи за еду... А если кто спрятал заначку, его пытаются. Никто так не умеет пытаться, как это умеют дети. У них в этом талант, — улыбнулся мужчина.

— ... — Мая сжала губки, прилежно слушая рассказ.

— ...Я тут вырос, аж до двадцати лет. Не то чтобы жалуюсь, жалуются только идиоты, но жизнь это была не из приятных. Можно было смириться, наверное, если не знаешь ничего лучше. Но мы знали. Всё из-за этой проклятой планеты, которая каждую ночь зависала у нас над головами. Земля была чёрная, мы все бродили в темноте, по помойке, но каждый раз над нами горела огромная Золотая звезда, заграждая нам солнце...

«Как будто мы были её тенью», — говорил, вспоминая те тяжёлые дни Линь Фан. Каждый день он засматривался ввысь, на сияющую планету. Она была намного больше солнца и ярче любой звезды. Относились к ней по-разному, — многие её ненавидели, многие прятались от неё, боялись её сияния, многие использовали её свет, чтобы осматривать мусор когда не было солнца, но его, тогда ещё мальчишку, всегда радовала эта планета. Он всегда находил её, такую близкою, но неприступною, красивой. Золотая Звезда была самым прекрасным, что юноша видел во всём тёмном и уродливом мире.

Постепенно, пристально наблюдая за ней и не упуская ни одного её появления, у Линь Фана зародилось желание самому быть как эта планета. Сиять на весь мир.

Именно тогда он и решил сделаться героем. Юноша вполне мог стать злодеем, но зачем? Куда приятней, когда тебя любят, благодарят, одаривают цветами, чем ненавидят и боятся. Ему не чужда была и простая мораль, и совесть, разумеется. Но всё же он мог их побороть, если бы на то была его воля и нужда. Линь Фан вырос на свалке человеческой жизни, и выжил, а это было непросто.

Для этого нельзя было не запачкать рук.

Это он, а не его, пытали за гнилой ломтик хлеба, вбивая бритвы под ногти. Но когда предстал шанс Линь Фан решил стать именно героем.

Просто потому что свет был ему приятней

И три года юноша действительно сиял подобно яркой звезде. А затем погас.

Жалел ли он о своём решении?

Жалел разумеется, и возможно будь у него второй шанс, он поступил бы иначе. Кто знает.

Но одного Линь Фан позволить себе не мог. Он не мог позволить, чтобы эти три года, самые драгоценные в его жизни, кто-то мешал с грязью. На себя ему было уже всё равно, но он понимал, что никогда уже не сможет вспоминать свои звёздные времена на пьяную голову и улыбаться, если позволит на своих глазах обидеть глупую девочку. Это было бы убого. Это было бы гнилью на его воспоминаниях.

А кроме них у него ничего и не осталось.

Мужчина вздохнул.

— А дальше? — вдруг спросил его голосок.

— Что дальше? — спросил мужчина уставшим голосом.

— Что было дальше, Мастер? Как вы улетели отсюда?

Линь Фан взглянул на Маю и увидел в её глазах подлинный интерес. Мужчина растерялся, не зная, плакать ему или смеяться. Вообще-то он тут душу изливает, а не историю рассказывают, но... Пусть.

— Ха... Ладно. Дальше вот что было: я любил смотреть на небо, на звёзды, и вот однажды вижу, — он протянул руку к окну. — Одна звёздочка падает. — мужчина потянул рукой вниз, и действительно, как будто в симфонии с ним звёздочка полетела вниз...

— Падает, падает, становится всё больше и больше, и тут я понимаю: она же сейчас упадёт на меня...

И словно по его велению, звёздочка в окне действительно становилась всё больше и больше, и уже стало ясно, что она стремительно приближается к земле. Линь Фан опустил руку на кровать, тихо наблюдая за её приближением. В голове мужчины было мутно, и ему казалось, что его заволакивает в нежный сын...

Звёздочка свалилась на землю.

И вдруг вся комната заходила ходуном, загрохотала, бутылки покатались по земле, и Линь Фан так встrepенулся, что запутался ногами в покрывале, свалился с кровати и крякнул от боли.

— Мастер?! — вскрикнула ошарашенная Мая и поддержала его обеими руками.

Мужчина меж тем глазами блюдцами уставился за окно, где на земле, возле горы мусора, вздымалось облако дыма.

Немедленно Линь Фан услышал холодный голос Императрицы Гу прямо в своей голове:

— Беги.